

БОРИС ВАСИЛЬЕВ: СМОТРЕТЬ В ЛИЦО ИСТОРИИ

Ему 75 лет. Родился 21 мая 1924 года в Смоленске. Прапрадед был генерал, герой 1812 года. Родной дед и двоюродный дед — участники процесса 193-х; в Америке, в штате Канзас, строили коммуны по типу Фурье, растратили наследство и явились домой без гроша. Один из них готовил в Тульскую гимназию сына Толстого Сергея Львовича. Провинциальный род, крепко, по словам писателя, влипший в российскую историю.

Отец военнослужащий, с 1915 года на фронте, командовал ротой, в советские годы заместитель командира полка. А сам Васильев? Участник обороны Москвы. На фронте с 8 июля 1941 года. Дважды выходил из окружения. Учился в полковой кавшколе под Миучинском, разбомбленной в день, когда назначили выпускные экзамены. В 1948 окончил Бронетанковую академию. Испытывал танки. В 1954 написал пьесу "Танкисты", поставленную и тут же запрещенную Политуправлением без объяснения причин. Знаменитый, любимый читателями автор. Последние книги "Утоли моя печали..." (1997), "Картежник и бретер, игрок и дуэлянт" (1998), "Скобелев" (1999) — исторические романы. Ощущает сердцем взаимосвязь эпох. То, о чем сказала Ахматова: "Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет".

Патриот России. Курит "Беломор". К национальной кинематографии относится с неодобрением.

Михаил. — 1999 - 21 мая. - с. 11.
— Два названия ваших книг, Борис Львович, став крылатыми фразами XX века, вошли в словарь Душенко: "В списках не значился" и "Не стреляйте в белых лебедей".

— Возможно, возможно... Я этот словарь не видел.

— Я бы прибавил к ним "А зори здесь тихие". С этой книги, если не ошибаюсь, Васильев начал жизнь писателя-профессионала. Однако не сказать, чтоб вы участвовали в литературской тусовке. И могли бы повторить межирвовское: "Не вовлекайте, бога ради, в сумятицу и толчею, я в вашем пионеротряде, товарищи, не состою". Живете на отшибе. За городом. Почти не бываете в Москве. Все глубже уходите... в историю.

— К истории я тяготею и раньше. Исторические монографии всю жизнь читал как роман. С восторгом и удовольствием.

— Писатель Петр Боборыкин придумал в XIX веке слово "интеллигенция". Социальная группа? Пролетария? Когда возникла у вас озабоченность судьбами русской интеллигенции, ставшая как бы лейтмотивом?

— В 1974, что ли, году... не знаю... У каждого писателя свои подходы, тут правила нет... У меня начинается с тревожной мысли, что об этом надо рассказать. Еще не знаешь, что именно. Я вдруг понял, что исчезает на глазах наша интеллигенция. Долго соображал, как к этой теме подойти. Вовремя вспомнил, что ближайшая родня моей матушки — самый благодатный материал. Расспросил маму, еще жива была тогда; все, что мог. Припомнил с трудом, что жил в имении деда своего, это Высокое, в 22 верстах от Ельни, там его могила в селе Уварово и горы щебня на месте имения, война прошла. Я там был, водили смоленские друзья, показывали, где я маленьким жил у деда. Помню, было мне года 4 или 5, здесь меня хва-

— Мой скобарь совершил неординарный поступок: женился на крестьянке. На 16-летней девочке. Взять крестьянку в "гарем" было тогда парой пустяков. А он обвенчался. Решительно порвал со всем светом. Она ему родила десятилетних детей. 7 мальчиков и 3 девочки. И все стали какими-то заметными людьми. Вот об этом я и написал свои "Были-небыли". Первый исторический роман. И потом, возвращаясь к истории, крутился вокруг своего рода. Когда роман вышел, мне позвонил Натан Эйдельман. Роман похвалил, говорит: "Что ж ты о своем прапрадеде не пишешь? Лихой был поручик. Приятель Пушкина. Тебе пушкинисты расскажут". И правда, рассказали. Вот и получился "Картежник и бретер".

— А почему возникло ощущение, что интеллигенция исчезает?

— Вымирать стала. Заметно. Отцовские, материнские друзья. Родичи. То поколение, которое пришло из старой России. Они частично через ГУЛАГ прошли, частично война выбила. И окончательно в 60 — начале 70-х. А преемственность...

— Не получились?

— Нет. Потому что русская интеллигенция была дворянской. Не то чтоб особых кровей, ничего подобного. Была независимой. А у нас служивая. Мгновенно перестала быть общественной силой.

— Вам нравится термин Солженицына "образованщина"?

— Я не люблю таких хитрых слов, но термин правильный. Независимость заменили образованием. Неадекватная замена.

— Независимым может быть только состоятельный.

— Точно. Интеллигенция и была состоятельной. Без куска хлеба остаться не могла.

— Потому что крестьянство кормило.

— Ну, это... естественное дело. Не надо мне тут советские формулировки проводить. Человек становится состоятельным, когда на него кто-то работает. Ни намыть золота, ни отчеканить монеты он не может. Не получается. Взамен что-то другое даешь, не правда ли? Продаешь знания, опыт. Хозяйственную организацию. Что хотите.

— Пушкин вырос на оброке?

— Это прямой обмен. Другое дело, что раньше эксплуатация была более жестокой. Но то была монархия, мы от нее отказались. Ввели иную систему. Интеллигенция была и политически независима. Потому что указ Екатерины приравнял дворянина к царю. И царь именовался "первым дворянином России". Всего лишь. Это позволило знаменитому Луневу — помните? — сказать: "Вы свинья, Николай Павлович". Это гонимому! И ничего с ним не случилось. Его, дворянина, нельзя было наказывать розгами, сказать "ты". Он относился к

привилегированному сословию! Со всеми вытекающими последствиями. Дворяне были свободными, не боялись. Когда интеллигенция боится, что ее оставят без зарплаты, уволят со службы, не дадут квартиру, какая это к черту интеллигенция. Это неизвестно что...

— Роман "Утоли моя печали..." заканчивается сценой: Ивана Каляева навещает в тюрьме Елизавета Федоровна, вдова убитого им великого князя Сергея Александровича, прямого виновника ходынской трагедии. Каляев просит не ходатайствовать перед государем о даровании жизни: "Я не приму помилования. Нас разделяют горы трупов Ходынки и сотни тысяч разбитых человеческих сердец". Учитесь смотреть в лицо истории, люди, призывает Каляев. Роман вышел, когда поднялась волна везанного поклонения Николаю II. Писатель часто вступает в противоречие с общественным настроением. Идет вразрез с общим мнением. Вы ощущали внутреннюю оппозицию этой волне?

— Смотря что считать общественным мнением. Русская интеллигенция никогда не любила Николая II. И никто за него в гражданскую войну шашки не обнажил. Ни одна армия. Защищали Учредительное собрание.

— Помните пророческую эпиграмму Бальмонта "Наш царь", 1906 год: "Наш царь — Мукден, наш царь — Цусима, / Наш царь — кровавое пятно"? А кончается так: "Он трус, он чувствует с запинкой, / Но будет, час расплаты ждет. / Кто начал царствовать — Ходынской, / Тот кончит — встав на эшафот".

— И у меня к Николаю такое же отношение. Это незадачливый царь, который принес России много горя, очень много. Другое дело мученическая смерть, но Господи Боже мой, куда деться? Сам виноват, сам до этого довел. Его дед Александр II проводил в жизнь реформы. Прекрасные, кстати, были реформы. Все прекрасные. Хотел ввести конституционную монархию. Россия ожила. Александр III немедленно все остановил. Водку пил стаканами. И когда помер, к Николаю II приехала делегация из Твери. Спросили: государь наш, как насчет реформ? Он сказал: все будет, как решил мой батюшка. То есть ничего, забудьте думать. Интеллигенция от него враз и отвернулась: ах так, ну, черт с тобой, ты не наш государь. А ведь могло бы в России все произойти по-другому. Не было бы страшной гражданской войны.

— Откуда ж такой всплеск поклонения? Едва не объявили святым.

— Дело в том, что мы удивительный народ. Талантливый очень. Эмоциональны чрезвычайно. Все, что хотите, при нас. А исторической памятью Бог обидел.

— Разве по мужской линии не передается?

— Никак не передается. Должна передаваться воспитанием. А с воспитанием у нас швах. Полный провал. Привить уважение к минувшему (Б.В. ударяет на первом слоге. — В.П.) и пониманию минувшего можно только дома в детстве.

Никакая школа не в состоянии. Тем более по мифологизированным учебникам. Где все за уши притянуто. И еще одно мы придумали: всем подряд давать одинаковое образование. Ни в одной стране такого не существует. Потому что дети разные. Начальное — пожалуй, ста. Дальше уж извините. Будет из вас толк, не будет толк. А у нас что в деревне, что в городе.

— Унификация...

— Полная. И получаем человека, у которого нет исторической памяти, который готов то одни монументы воздвигать, то другие. Потому что ничего не по-ни-ма-ет. За незнание не поборишь, а вот за невежество. Невежество непростительно.

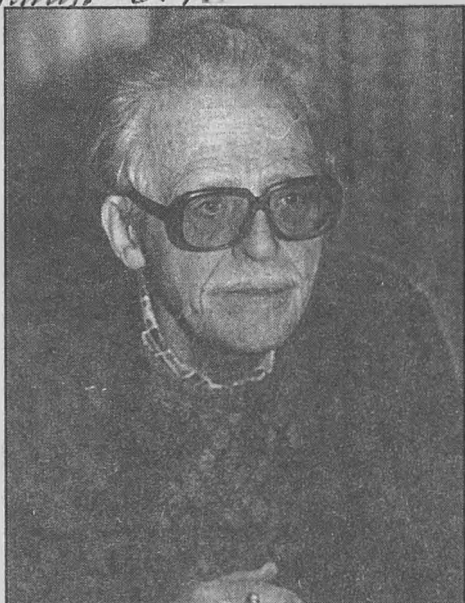
— Греки представляли невежество в грандиозном образе трагического рока.

— Вот мы и сделали этот рок. Пушкин подметил: ленивы и нелюбопытны. Ленивы да, ленивы все, не только русские, а мы нелюбопытны. Убийственную характеристику Александр Сергеевич нам выдал.

— Он был дьявольски умный...

— О-о-о!.. Нелюбопытство проскальзывает черт знает в каких вещах. Вот слушаешь выступление. Я понимаю: политика — и лозунги, и желание понравиться, и щегольство хлесткой фразой... Но вот искренне уважаемый мной Борис Николаевич... Корреспондент — уже давно это было — спрашивает: кто из русских государей вам ближе всего по духу? "Петр I", — не задумываясь, отвечает Борис Николаевич. Какой Петр, Господь с тобой! Тебе Александр II близок, но ты про него ничего не знаешь. А Петра в кино ты видел. Там Симонов орет. Очень хорошо. Прелестная игра. А про Александра II не было фильма. Мы ж только по фильмам свою историю знаем. Книжки мы не читаем... Петр, — да, гениальный человек, никто не спорит. Но методы у тебя иные. Ты изучи реформы Александра, а не спонтанные действия Петра Великого. Сегодня одно, завтра другое... А в результате в России погиб каждый четвертый. Хорошая плата за русское окно в Европу. Четверть населения подрубил под корень. Сделал благое дело, совершенно верно. Но цена какая. Несоразмерная. Значит, второй раз по этому пути идти не надо. Что тебе этот Петр I? Александру II памятник так и не поставили. Зато недавно в Москве поставлены аж два Петра. До этого здесь Петру никто памятники не ставил. Обращали вы внимание на этот казус? Здесь Петр родился, здесь крестился, женился, короновался на царство. А ни одного монумента Москва ему не поставила. Почему? Потому что Красная площадь была залита кровью — девять тысяч отрезанных голов. И москвичи никаких памятников допустить не могли. А сейчас Дзержинского на место воловь собираются. С холодными руками, как выразился думский знаток истории.

Владимир ПРИХОДЬКО.
Фото Александра ВОЛОДИНА.

танула копытом по лбу белая кобыла Светлана. Отец шутил: ты стал писателем после этого удара. Мальчишки научили: вытащить из хвоста волос на лещу. И я подошел сзади. Ей это не понравилось. Она не ударила, а отшвырнула меня. Я перепугался, сразу заорал. В 1974-м решил рассказать о своих дедах. Воспользовался мемуаром Сергея Толстого "Очерки былого". Узнал много интересного. Узнал, что один из предков моих был довольно богатым псковским помещиком. Не ужился при дворе у Николая Павловича. Был сослан в свои имения с приказом не появляться ни в Петербурге, ни в Москве. Сидеть там.

— Скобарь?

— Скобарь. А вы откуда это слово знаете?

— Из стихов Ахматовой. "Деревенскую деву-соседку не узнает веселый скобарь". Скобарь — обидное прозвище псковичей.